

гой. И жалость к себе за то, что не погиб в бою. Постепенно зреет твердое решение. На спасение надежды никакой. Значит, надо быть готовым к смерти. Но ты умри хорошо.

Иван снова впал в тяжелое забытие и лишь перед рассветом пришел в себя. Малейшее движение требовало огромных усилий. Комиссар пробовал повернуться на бок, но не смог. Повернул только голову. За дверью слышались голоса. И когда она с шумом раскрылась, он увидел солдат в касках и зеленых мундирах. Двое из них подошли к нему и, схватив за руки и ноги, вытащили на улицу. Там уже стояли в одной шеренге пленные советские солдаты, окруженные цепью немецких автоматчиков, а посередине — стол, заваленный какими-то предметами. Чуть поодаль — несколько немецких офицеров.

— Прислоните его к стене, — сказал один из них по-немецки.

— Итак, зольдатен, это есть ваш храбрый комиссар, — обратился майор в форме гестаповца к пленным, — он есть лутший командир. Мы будем смотреть, так ли это.

Гестаповец приказал посадить его на перевернутый ящик и придерживать за плечи. Затем он обратился к Лобачику.

— Вы есть комиссар?

— Да, я комиссар!

— Вы есть нашальник?

— Нет. Я такой же солдат Родины, как и они. Я их старший товарищ.

— А-а, товарищ.

Гестаповец еще спросил, будет ли комиссар говорить о дивизии, армии, о тех силах, которые стоят на этом участке фронта против них, и совершенно не надеясь на ответ, дал какое-то распоряжение солдатам на немецком языке. Между тем Иван собрал последние силы, спокойно сказал гестаповцу:

— Вы правильно делаете, не надо напрасно задавать вопросы.

Это было одно из самых тяжелых испытаний в его жизни. Язык прикушен до крови, ладони разодраны ногтями. Главное — не закричать, не закричать даже в беспамятстве.

— Вы должны у меня просить пощады, просить громко, просить хорошо. Все должны это слышать. Иначе мы так делаем вам, что родной мать не узнайт.

Иван молчал.

Майор махнул рукой. Солдаты сначала вывернули ему руки. Затем один из них надел на голову Ивана обруч и стал его медленно стягивать. Свет в глазах погас. Боль сразу пропала. Наступил какой-то провал. Но вот

из мрачной, вязкой глубины небытия он медленно поднимается на поверхность яви. Острая боль рванула внутренности один раз, второй, пронизала сердце, подступила к горлу.

Открыв глаза, Иван увидел перед собой человека со шприцем в руке. «Кололи, — подумал он безразлично, — приводили в чувство. Интересно, что еще они смогут сделать».

Боль усиливалась с каждой минутой. Это действие укола. Он слышал, как фашисты бесились и кричали: «Проси пощады». Били остервенело, разъяренные его молчанием.

Наклонясь к лицу комиссара, майор надрывно кричал:

— Я задушу тебя вот этими руками, разобью твой упрямый череп, сапогами истопчу морду, если ты не попросишь пощады!

— Если они так бесятся, — думал Лобачик, — значит, спектакль им не удастся. Надо только до конца выдержать.

Потерявшего сознание комиссара снова бросили в сарай. Туда же загнали пленных. Бойцы влили в рот Ивана воды, обтерли лицо и положили ему под голову какое-то тряпье. Часа через два он пришел в себя. И первая мысль была: не кричал ли? Долго он так лежал, восстанавливая все в памяти. Потом начал прислушиваться к своему телу. Кажется, он чувствовал в отдельности: вот это сердце, это печень, а левее — какая-то жгучая боль. Ниже позвоночника. Один из позвонков в пояснице, кажется, раздроблен.

Он вздрогнул. Услышал отрывистые слова: кто-то говорил по-немецки. Его снова куда-то понесли. Он плохо слышит. Но под пальцами кровь, и он их не ощущает. А сердце бьется быстро, как никогда, все быстрее и быстрее. Оно нагоняет кровь, и кровь сочится из пальцев. До него доходит смысл последней фразы гестаповца.

— Комиссар без звезды плохой комиссар. Сделайте ему на спине звезду.

Ну, что же. И это надо выдержать. Сердце бьется быстро, как никогда, и алая кровь течет по спине. Кожа лоскутами отстает под ножом, и звезда действительно алая. Снова услышал он голоса, они доносились к нему издали, но дыхание кричавших он чувствовал на лице. Оно щекотало ухо. Почувствовал запах табака и водочного перегара. Что ж они кричат?

Теперь нож перед глазами. Он нестерпимо больно идет прямо по ране. Кто-то схватил его за руку, но было поздно. Сердце остановилось.

Гестаповец со злостью ударил ногой ящик,